

Валерий Столыпин

ЗА ГОРИЗОНТОМ ЗАВЕТНОЙ МЕЧТЫ

18+

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Валерий Столыпин

**За горизонтом заветной
мечты. Сборник рассказов**

«Автор»

2021

Столыпин В.

За горизонтом заветной мечты. Сборник рассказов /
В. Столыпин — «Автор», 2021

В сфере интимных отношений мы все первоклашки. Жизнь состоит из случайностей, предугадать график поступление которых люди бессильны. Какое бы решение ни было нами принято, как бы действия ни просчитаны, никогда ни один из нас не узнает, как могла измениться жизнь, если бы поступили иначе. Именно поэтому вспоминается ярче всего то, что хотели, но не смогли реализовать. Ошибаются все, но лишь немногие удачно.

© Столыпин В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пять бесконечных минут	5
Счастье просто так	12
Координаты счастья	15
Любовь и мыльные пузыри	19
В краю магнолий	26
Закатная феерия	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валерий Столыпин

За горизонтом заветной мечты. Сборник рассказов

Пять бесконечных минут

– Светка, – пряча растерянный взгляд, натужно, словно не хватало для дыхания воздуха, прошептал Вадик, – хочешь замуж?

Какая девчонка в девятнадцать лет не захочет из гадкого утёнка превратиться в белую лебедь? Ответ был очевиден как рождение каждое утро нового дня.

– Да-да, да-а-а, – обрадовано заверещала Светлана, предвкушая, как удивит подруг, мысленно представив себя и Вадима во главе торжественного карнавального шествия, и доверчиво повисла на шее любимого, тронутая неожиданным предложением.

Мысли Вадима, однако, путешествовали в иной плоскости: он просто устал добывать скорострельный одноразовый секс недельным, а то и месячным ритуалом обхаживания.

В двадцать два года пора, считал начинающий дамский угодник, иметь женщину для развлечения на постоянной основе, гарантированно исключающей отказ от эротических экспериментов.

Светка устраивала его истосковавшуюся физиологию по всем параметрам: молодая, упругая, в меру симпатичная, физически крепкая, любопытная и не глупая.

Последний пункт несколько озадачивал, но интеллектуальные и драматические способности (недаром занимался в театральной студии) предоставляли ценное преимущество.

Девчонка мало того что была прелестна фигуркой и личиком, теряла рассудок, когда прижималась к нему корпусом. Это было видно по тому, как дрожало в его руках хрупкое тельце, как томно закатывала она глазки, как гулко трепетало в груди юное сердечко, как застенчиво и восторженно откликалась подружка на немудрёные комплименты, как краснела, выслушивая истории с чувственным содержанием.

Светлана была впечатлительна, романтична, но, чёрт возьми, воспитана на абсолютно несовременных принципах: я тебя люблю, но...

Ни единого поцелуя за месяц букетного романтизма.

Юноша исходил из размышлений о том, что жизнь скоротечна, по причине чего сентименты, стыдливость и прочая романтика – неуместны в принципе. Чтобы научиться плавать, необходимо, прежде всего, войти в воду.

Действовать придётся в последовательности – от простого к сложному. Обещать – не значит жениться. Стоит только намекнуть, девчонка сама придумает всё, что нужно.

Вадик не предлагал руку и сердце, просто спросил, мечтает ли Светлана о замужестве.

Сосулька начинает расти из одной единственной капельки, а любовь...

Не всё ли равно, как девчонки её выдумывают, чем питают. Важно для начала бросить в удобренную почву семя, добиться благосклонной покорности и доверия.

Вадик ликовал, увидев щенячий восторг медовых Светкиных глаз, из которых брызнули слёзы умиления, когда неожиданный для неё, но детально обдуманный вопрос из малюсенькой мухи в одно мгновение родил слона.

Подружка плакала от счастья, а хитроумный искуситель вдохновенно слизывал с нежного личика удивительно приятные на вкус солёные капли, смакуя возможность под видом жертвенной признательности наслаждаться удовлетворением, пусть на данном этапе довольно

скромным, целомудренным, расплавленных неуёмным желанием порочных желаний, прочно поселившихся в возбуждённом сознании.

Насыщенная фантазиями девичья эмоциональность непредсказуема, подвижна. Несколько минут назад Светлана считала поцелуй весьма легкомысленным поступком, но теперь она невеста: значит, жениху можно всё.

Так наивное дитя представляло себе ритуальные обязательства перед любимым, открывшим для неё триумфальную арку для путешествия в мир увлекательнейшей семейной идиллии.

Не так много нужно увидеть в глазах того, кого ты уже придумал, чтобы с наслаждением в них утонуть.

Девичье сердце ликовало, доверчиво подчиняясь эгоизму увлечённого авантюрой друга, не задумываясь, что ждёт впереди.

Девственно чистый лист судьбы – обещание бесконечности грядущих свершений.

Как много хороших и разных открытий сулит благодушное неведение.

Вадим целовал и целовал хитроумно обманутую фантазёрку, не сомневаясь, что заслужил не только пить нектар из сладких уст – нечто большее, что не замедлило исполниться.

На кончиках волшебных мужских пальцев в тело невесты вливалась энергия страсти.

Жизнь кажется прекрасной, волнующей, даже сказочной, когда соблазняет убедительный повод, пусть призрачный, зыбкий, забыть про культовые тормоза, отпустить на волю желание поступать не так как нужно, а так, как хочется.

Внутри каждой девочки спрятан сосуд с озорным чертёнком номер тринадцать, накрепко запечатанным целомудрием. Сидит этот шалун, ждёт, когда некто произнесёт магическое заклинание.

Светкин дьяволёнок давно потерял терпение. Ликующий возглас “Да-да, да-а-а!” сорвал пружинку... и понеслось.

Вадик хищно терзал податливо изнывающую неведением плоть избранницы, сведённую, тем не менее, сладкой истомой, наслаждаясь последними минутами истекающей соками доверчивой девственности.

Невеста со стыдливо закрытыми глазами терпеливо позволяла ненасытному бесстыднику вести себя через тернии не очень приятного вторжения в интимную сокровищницу к звёздам желанного статуса, когда с полным основанием можно будет сказать маме, – ты не заметила, я взрослая?

Несколько месяцев в мире эротических грёз пролетели одним днём.

Света не торопила, лишь изредка напоминала любимому про обязательства.

Точку в отношениях поставила пульсирующая под сердцем новая жизнь.

Вадим игриво, с массой комических и драматических эффектов изобразил сцену безграничного счастья... и испарился: как сон, как утренний туман.

Девочка очнулась.

Тормозить головой было поздно.

Далее последовал конфликт с родителями.

Мама топала ногами, орала, употребляя жестокие, грубые слова. Света не нашла иного выхода, кроме как убежать к бабушке.

Старушка жила одна, едва справлялась с самообслуживанием и бытом. Внучке обрадовалась.

Доверительное общение успокоило, давало шанс не погрузиться с головой в депрессию, выйти из неприятного положения без потерь.

– Не печалься, милая. Создатель позволил прорасти семени, даст и всё прочее. Вырастим, вынынчим. Я с тобой.

Но судьба продолжала преподносить сюрпризы.

Похоже, не унимался тринадцатый: Светочку на пешеходном переходе сбил мотоциклист.

Травмы не были клинически опасными, однако случился выкидыш.

Судиться девочка не стала, денег от мерзавца не приняла.

Нарушитель долго ходил за Светланой по пятам: вымаливал прощение, пытался задарить подарками, даже с бабушкой познакомился.

То ли устала Света от одиночества или по иной причине – обидчика она простила, более того – позволила за собой ухаживать.

Поначалу просто встречались, потом от нечаянных прикосновений полетели искры.

Света вела себя осторожно, настороженно, тем не менее, любовь вспыхнула нешуточная: закрутила, завертела, опять разбудила неугомонного чёртика с озорными выходками, головокружением, буйными бесовскими плясками, вновь открывшейся бездной, теперь уже осознанного, желанного сладострастия.

Жизнь вновь заиграла яркими красками, дала повод возродить привычку грезить.

Планы на будущее не были теперь фантастическими: повзрослевшая, прошедшая через горнило страданий Светлана мечтала скромно: семья, дети, умеренный достаток.

Леонид не был похож на Вадика – что говорил, то и делал.

Света переселилась в его квартиру, наметили свадьбу, даже готовиться начали к торжественному событию.

Реализацию церемонии пришлось отложить – умерла бабушка.

Свадьбу перенесли.

Жених был надёжен. Невеста не волновалась, попросила подождать, только и всего.

Говорят, есть трагически невезучие люди. Сложно понять – почему и за что наказывает их создатель: выбраться из порочного круга не получается.

На этот раз катастрофа случилась с Леонидом. Заядлый мотоциклист на предельной скорости залетел под грузовик. Смерть наступила мгновенно.

Из квартиры жениха Светлану выдворили его родители, не позволили даже сорок дней переждать.

Женщина (назвать практически вдову девушкой – язык не поворачивается), вернулась в бабушкину квартиру. Прописка позволила оформить жильё на себя.

Пережить череду трагедий в одиночку довольно сложно даже обладающим выдающейся волей личностям. Света не могла похвастать силой характера, она была чувствительной, сентиментальной, обладала от природы нежной нервной организацией и трепетной женственностью.

Мама всё ещё злилась. Ей невдомёк, что дочь может не выдержать избытка испытаний.

Мама была увлечена собой.

Света замкнулась. Гнетущая обречённость подсказала единственный вариант лечения безысходности – с головой погрузиться в стакан сумрачных мыслей.

Войти в запой оказалось просто, выйти – почти невозможно.

Женщина раздвоилась: дома и на людях параллельно существовали две абсолютно разные личности. Дверь квартиры была границей миров.

Внутри дома Светлана превращалась в алкоголичку, на работе старалась выглядеть прилично.

Какое-то время удавалось вести двойную жизнь. Недолго.

Способность плодотворно трудиться, принимать решения, быть нужной, выплела в течение полугода.

Деньги закончились быстро, ценных вещей было немного.

Света пыталась привести себя в порядок, искала работу.

Реальных предложений было мало.

Работала уборщицей в офисе, посудомойкой в узбекской забегаловке, рекламным “бутербродом”.

Возвращаться на грешную землю после путешествия на самое дно – задача непростая. Сознание сопротивлялось, да и мотивации, если честно, не было.

Человек, который никому на всём белом свете не нужен, чувствует свою неуместность. Тем не менее, процесс релаксации был запущен.

Света откладывала небольшие суммы, чтобы прилично одеться, начала читать, возобновила вечерние прогулки.

Следующим местом работы была клининговая компания.

Сначала её отправляли в помощь кому-то, со временем доверили индивидуальные заказы на уборку элитного жилья.

Однажды Светлане досталась большая трёхкомнатная квартира, где обещали щедрые комиссионные.

Удивление вызвал район и дом, где находились роскошные апартаменты: обшарпанная хрущёвка, подъезд с резким запахом кислых щей и кошачьей мочи, полное отсутствие асфальта.

В таком месте страшно жить.

Квартира не вписывалась в экспозицию нищеты вокруг, а внутри поразила безвкусицей, дороговизной интерьера.

Закончив уборку, Света набрала номер телефона хозяйки, выслала фото и видео свидетельства выполненной работы. На карточку тут же прилетела оговоренная в договоре сумма.

Закрывая дверь, обратила внимание на живописную парочку, спускающуюся по лестнице.

Мужчина с сигаретой в зубах и пивом в руке был юн. Света не отметила бы этого факта, если бы девушка с ногами-спичками, вовсе малышка, по ощущению – школьница, не несла на руках аккуратно спелёнатого младенца, не скандалила со спутником, не называла его мужем.

В глубине души шевельнулось негодование.

Света невольно вспомнила, что тоже могла стать матерью. В памяти чёрным облаком всплыл облик Вадима, мотоциклист на переходе, ноги в крови, выкидыш, похороны бабушки, потом Леонида.

Захотелось выть.

Женщина задохнулась, прижалась лбом к холодной стене, тут же брезгливо отстранилась. Возвращаться в мир теней не было желания. Нужно жить!

Интересно, каким Вадим мог стать отцом? Наверно таким же, как этот парень.

А сама, сама-то смогла быть хорошей матерью?

Откуда-то изнутри поднималась тошнота, закружилась голова, сердце выпрыгивало за пределы тела.

Выбравшись из подъезда, Светлана подстелила салфетку, села на скамейку перевести дыхание.

Как жить дальше, тем более зачем?

Голос, вырвавшийся из небытия, напугал. Женщина вздрогнула, очнулась.

– Нет, вы видели... ни с ребёнком посидеть, ни в магазин сбегать. Угрозидило же выйти замуж за дитя. Папаша, мать твою... самого в пору нянчить. Зайка моя! Это он мне, когда добивался. Теперь сукой обзывает. Такая, извините, любовь. А я что... что я могу одна? Дома жрать нечего, а этот кобель к друзьям намылился...

– Простите, девушка, мне немного не по себе. Найдите, пожалуйста, другого собеседника. Мне на следующий заказ идти пора.

– Понимаю. Вы же видите, нигде никого. Словно вымерли. Мне и обратиться больше не к кому.

– А мама?

– Родители в другом районе живут. Его предки тоже. У меня руки отваливаются. Ради бога, найдите десять минут, помогите. В магазин сбегаю. Туда и обратно. Одна нога здесь, другая...

– Я вас не держу. Бегите на здоровье.

– А её, Зойку-то куда? Потом с ней да с сумками тащиться... разве ж я справлюсь? Пять минут... пять. С меня сто рублей.

– Оставьте себе, вам нужнее.

– Что вы, что вы! Вы мне, я – вам... вот, на скамеечку кладу. Всё честно. Пять минут покачаете, делов-то. Зойка её зовут. Вот бутылочка, на всякий случай. Зойка она. Закапризничает – песенку спойте. Умеете?

– Девушка, давайте наоборот.

– Это как?

– Давайте деньги, скажите что нужно. Я сбегаю.

– Я же не знаю, что там сегодня продают, какое качество. Посмотреть нужно, потрогать. Пять минут.

– Нет!

– Вы что, детей не любите? Боитесь? Она не кусается. Зоенька, рыбанька моя, ты ведь не собираешься обижать тётеньку? Она у меня чудо. Пять минут.

– Телефон. Номер скажите.

– Чего нет – того нет. Дома оставила. Пятьсот рублей. А, ладно, берите тысячу и я побежала.

– Как вас зовут?

– Лариса. Веретенникова. В двадцать восьмой квартире живём. Так я пошла?

Лариса переложила свёрток в руки Светланы.

Девушка не побежала, скорее, отползала, оглядываясь, словно опасалась оставить любимое чадо с незнакомкой. Именно это и успокоило.

Ребёнок беззаботно спал. Света проверила.

Девочка чмокала пустышку, потешно морщила носик-пуговку, отчего на душе потеплело.

Она даже оттаивать начала, размечталась, что когда-нибудь и у неё будет ребёночек. Хорошо бы дочка.

– Назову её... конечно Зоя. Случайности в жизни совсем неслучайны, скорее закономерности, но иного порядка, более совершенного.

Позитивные мысли потекли тёплым комфортным потоком, заполняли поры души, выдавливая из них остатки настороженности.

Но ребёнок проснулся, зашёлся криком, выводя из оцепенения. Наваждение отхлынуло.

– Проголодалась, – с умилением подумала Света, неожиданно заметив, что сгущаются сумерки, что мамы до сих пор нет... нет, почти два часа.

– Где же эта мама потеряшка, о чём эта нерадивая пигалица думает?

Догадка занозой вонзилась в мозг. Недаром девчонка была так настойчива.

– Веретенникова Лариса, двадцать восьмая квартира, – всё ещё надеясь на справедливость, шептала Света, на уровне подсознания понимая, что найти беглянку не удастся, что девочку подбросили умышленно, что диалог с кукушкой был спектаклем, провокацией.

Букет противоречивых эмоций раздирал, раздваивал сознание.

С одной стороны ей повезло: воспитанием брошенной малютки можно заполнить пустоту.

С другой, это чужой, возможно проблемный ребёнок. Как его легализовать, на каком основании?

Поразмыслив, Светлана решила не спешить: собрать информацию, поговорить с людьми. Целую неделю она не ходила на работу, сказавшись больной.

Осмысленное решение далось непросто: Зоя – моя!

Большую часть зарплаты Света тратила на приходящую няню, сама жила впроголодь.

Собирать нужные документы, оформлять фиктивные справки, юлить и подмазывать было непросто. У неё получилось.

Вскоре Светлана числилась матерью одиночкой, а о том, что с Зоенькой не имеет родства – не знал никто на свете.

Она была настоящей мамочкой, отважной наседкой, самоотверженно опекающей растущее дитя, оберегающая её от любых невзгод, отказывая при этом себе почти во всём.

Жили мама с дочкой не хуже прочих: уроки учили, книжки читали, на море отдыхать ездили, откровенничали перед сном.

Одно угнетало – слепая материнская любовь не позволила к самостоятельности девочку приучить, к труду, к ответственности. Но это, считала она, не беда. Самой-то вроде ничего особенно не нужно. Как есть – так и ладно.

Светочка даже умудрилась потихоньку на платное обучение накопить: понимала, что бюджетный вариант Зоя не потянет, баллов не хватит.

Документы на поступление подали в престижный областной институт. Факультет Зоя сама выбрала – юриспруденция.

Света в современных веяниях не смыслила: дочке хорошо, значит, ей тоже.

Деньги на жильё, быт и продукты привозила в общежитие по два раза за месяц.

Училась Зоя неплохо: зачёты, лабораторные работы, экзамены – всё вовремя сдавала.

Влюблялась как все в этом сладком романтическом возрасте, но себя блюла.

Получила диплом. Удачно нашла работу. Можно выдохнуть: жизнь удалась.

Света было о себе, о любви, о личной жизни задумалась. Сорок лет – не возраст, чтобы крест на себе ставить. Мужчины интерес постоянно проявляют.

Сергей Степанович, вдовец бездетный, начальник непосредственный, не раз с предложением перевести производственные отношения на интимные рельсы подкатывал. Что-то про симпатию, про аппетит, про здоровье и земные радости намекал, уверял, что имеет серьёзные намерения.

– Почему бы нет, – рассуждала Светлана, вспомнившая под влиянием сладких речей о предназначении женственности, о том, что никогда не поздно...

В выходные она медитировала, представляя себя рядом с мужчиной, красочно воспроизводила во внутреннем театре, где была режиссёром и зрителем одновременно, пикантные моменты, о которых давно не вспоминала с ностальгическим наслаждением.

Иллюстрированное путешествие в молодость было приятным, настолько, что Света снова почувствовала желание быть женщиной.

Сергей Степанович несколько не хуже других. Спокойный, рассудительный, интеллигентный. Стоит попробовать. За погляд, как говорится, денег не берут; бить, тоже не станут.

Дивные мысли прервал нетерпеливый звонок в дверь.

На пороге стояла дочь с грудничком на руках.

– Спишь что ли? Звоню, звоню, – раздражённо буркнула Зоя, – али не рада?

– Чё дитя?

– Папаша кто, хочешь знать?

– И мамаша тоже.

– Не те вопросы задаёшь, мамочка. Рожала я... а растить... растить, извини, тебе. Мне сейчас никак. Шеф чёрную метку прислал, последнее, так сказать, китайское предупреждение. Или-или. Разве такой судьбы ты мамочка для своей любимицы желала? У тебя опыт, времени вагон... и вообще. Деньги вам присылать буду. Ну...

– Не нукай, не запрягла. Может я замуж собралась. Пожить на старости хочется, к мужскому плечу прислониться. Почему ты такой эгоисткой выросла?

– Ага, мамочка, давай, убей дочурку отказом. Не ты ли меня такой воспитала? Я же ангелочка своего не навсегда привезла, погостить. Налажу карьеру, тогда...

– Да-да, пять минут, всего пять минут. Знаешь, как подобных родительниц называют? Ку-куш-ка. Стыдно должно быть.

– Какие пять минут, мать? Лет пять, не меньше, быстрее не управлюсь. Ты же моя мамочка, Ирочкина бабушка. Мы же семья. Жить будете как в сказочном королевстве. Ты сколько зарабатываешь?

– Тебе ли не знать, сколько?

– Вот! Две такие заплаты высылать буду. Е-же-ме-сяч-но. Ма-а-а... я же люблю вас...

– Нет! Однажды дала слабину, теперь плоды пожинаю.

– О чём ты, ма, какие плоды. Смотри, какая Иришка прелесть: ягода малина с льняными глазками.

Светлана напряжённо вглядывалась в лицо дочери, пыталась отыскать в бессовестных глазах искорку сомнения.

Зою ничто не терзало, не мучило. Она была откровенно уверена, что пансион ребёнка у бабушки – вопрос решённый.

Истерика у Светы началась неожиданно. Слезы лились водопадом.

Незадачливая бабушка закрылась в ванной, рыдала до тех пор, пока не свело судорогой горло.

Зойка стучала в дверь, требовала отворить, сетовала на то, что опоздает на поезд, потом притихла.

Угнетающие психику мысли до отказа заполнили черепную коробку, внутренняя молотилка взбивала их подобием миксера, пока не перемешала в однородную, совершенно бессмысленную массу.

Голова гудела, раскалывалась от боли, тело предательски дрожало.

В ванной было холодно, неуютно. Что толку сидеть и страдать? Нужно что-то решать.

Светлана отворила запор, выглянула наружу.

Тишина. Зои нигде не было.

Голенькая, описанная с ног до головы Иришка, со всех сторон окружённая подушками, угукала, весело разгребая воздух руками и ногами.

На столе лежала стопка американских купюр, файл с документами ребёнка, нотариальная доверенность и записка – “Я тебя люблю! Ты – лучшая мама на свете. Береги Иришку.”

Ниже был написан номер телефона.

Светлана смотрела на малютку, не в силах осмыслить ситуацию.

– Видно на роду написано, что самые важные решения принимает кто угодно, только не я сама. Извини, Сергей Степанович, не судьба. Любовь откладывается... на пять бесконечных минут.

Счастье просто так

– Завтра... да, завтра обязательно буду счастливой. Обязательно-о-о-о! Буду-у-у! Назло всем буду. И ему тоже. Генке паразиту назло, Марату, Валентине Петровне, мамке: всем-всем-всем, – с протяжным завыванием скулила про себя Ниночка Шпякина, неловко семеня на высоких каблуках вдоль автостоянки магазина низких цен с двумя пакетами красного вина неизвестного происхождения и кусочком дешёвого сыра, с помощью чего собиралась лечить душевную боль.

– Намою вагон бабла, открою агентство в центре, найму холёный, вымуштрованный офисный планктон: пусть таскают лично для меня горячие каштаны из обжигающего пламени капитализма. А я... я буду гонять их, как сидоровых коз и требовать, требовать, требовать. Пусть уважают.

– Генку возьму в свою фирму курьером. Нет, перебьётся, охранником. Буду сидеть перед ним в эксклюзивном наряде от Армани, коллекционных колготах от Вулфорд, в дорогущих как шикарная жизнь лабутенах... пусть глаза у паразита на лоб повылазят, пусть до конца жалких дней страдает, что упустил из рук настоящую мечту, фату моргану. Я себе такого мальчика отхвачу, такого, такого... закачаешься. За что мне столько несчастий!

Ниночка жила в современном городе, агрессивно наполненном характерными маркерами процветания и благополучия, в городе, дребезжащем от вибраций кричащей, показной роскоши; в городе, сосредоточенном на избыточном потреблении с чрезмерно напряжённым ритмом, где нет, и не может быть места старым, бедным, больным и несчастным.

Девушка лезла вон из кожи, пытаясь добиться в жизни хоть чего-нибудь, но неудачников, бездарных авантюристов, несостоявшихся миллионеров и озлобленных унижительной несправедливостью проходимцев здесь было большинство, что рождало немыслимую конкуренцию, доминировать в которой могли лишь свирепые кровожадные хищники, беспринципные приспособленцы и паразиты с всесильной протекцией.

В серой толпе вечно спешащих прохожих разглядеть проигравших последнюю ставку в казино капризных судеб довольно сложно, но если присмотреться...

Ниночка выглядела по современным молодёжным меркам не шикарно, но вполне респектабельно, тем более что фигурка у неё была скульптурная, точёная, удачно декорированная природными достоинствами и цветущей свежей весенней молодостью, добавляющей облику очарования соблазнительно-чувственной, штучной женственности.

Броский наряд, правда, был приобретён не в престижном бутике, как и косметика, причёску и маникюр делала подружка, но разглядеть фальшивые признаки принадлежности к преуспевающему классу, не зная истинного происхождения этих символов, могли разве что знайки.

Работала девушка офисным менеджером в заштатной торговой кампании, где никто не мог укорениться по непонятным причинам.

Выпускники колледжей приходили, соглашались на конкурсные условия, месяца два без выходных корпели в тесных кабинетах, после чего увольнялись, так и не завершив победно испытательный срок: без утешительного приза, даже без выходного пособия.

Ниночка не была исключением.

До заветного зачисления в штат оставались считанные дни, но претендентов на “волшебную вакансию” было больше, чем мух на приклеенных к потолку липучках.

Основным соперником в этой гонке был Марат Батурин, имеющий талант любые обстоятельства оборачивать себе на пользу, мимоходом обнуляя заслуги более трудолюбивых и способных конкурентов.

Марат удивительно удачно оказывался в нужное время в нужном месте. Более того, ему благоволила находящаяся в процессе перманентного романтического поиска руководительница отдела, Валентина Петровна – гремучая смесь выдающихся профессиональных качеств разведчика, надзирателя и капризной стервы.

Ниночке категорически не везло по жизни, начиная с родителей-неудачников, заканчивая друзьями-предателями и коварно изменяющими кавалерами, не говоря уже о хроническом, инфекционном каком-то, мистическом проклятии в поисках нормального рабочего места с приличным заработком.

Только что девушка рассталась с Генкой, который романтическими уловками и циничной хитростью добился, паразит, той степени взаимности, после которой не остаётся тайн, но появляются проблемы.

Обманул!

Ниночка поверила в его искренность, даже не предохранялась, а он...

– Мы, говорит, разные с тобой. Ага, можно подумать до постели одинаковые были. Замуж звал, скотина, а сам после свиданий к Люське бегал, пока не соблазнил окончательно! Было бы к кому таскаться: ни кожи, ни рожи. Всех и достоинств – даёт всем подряд без разбора. Впрочем, я тоже не ангел. Знала бы раньше... ни за что! Я... я ведь любила его. Любила! Потому и отказать не смогла. Ничего, я ему докажу. Да, докажу! Зачислят в штат – заработаю на машину, на квартиру, на дачу, по три раза в год буду на Бали летать. Сам прибежит, в ногах валяться будет. Не прощу, ни за что не прощу! И ведь не раскаивается ни грамма, подлец, считает, что дегустировать девственность на вкус – законное право самца.

Наперерез траектории Ниночкиного следования тяжело катил наполненную тележку шикарно одетый мужчина, почти ровесник.

Не обратить на него внимания было попросту невозможно: выражение лица, фигура, походка, внешность – всё обличало баловня капризной Фортуны.

Девушка невольно залюбовалась способностью Апполона грациозно, легко нести совершенное тело, несмотря на вполне обыденное, совсем не гламурное действо.

Сверху в тележке лежал огромный букет необычной расцветки и формы экзотических цветов.

Направлялся мужчина к сверкающему новизной внедорожнику с эмблемой из разъярённого быка и надписи “Lamborghini”, в окне которого улыбалась заурядная, ничем непримечательная блондинка, поленившаяся даже макияж приличный нанести, что с нескрываемым торжеством отметила Ниночка, явно выигрывающая у неё по всем видимым параметрам женской гравитации.

Как было не примерить на себя место в престижной машине и роль пассажирки, явно недостойную такого видного мужчины?

В изысканном салоне должна была сидеть не она, а Ниночка.

Как несправедлива жизнь: одним всё, другим совсем ничего.

Лимончика бы этой слащаво улыбочивой простушке, чтобы скулы свело от избытка кисло-го.

Ниночка вытащила смартфон с желанием сделать снимок, чтобы дома с помощью фотошопа сделать из улыбающейся пассажирки вульгарное чучело, которому пусть даже виртуально, но можно предъявить заслуженные претензии.

Возмущённая обстоятельствами девушка была озлоблена на весь мир за обрушенную на неё несправедливость, которую странным образом переносила теперь на незнакомую девушку.

Хозяин лимузина остановился в паре шагов от автомобиля, достал букет, с достоинством опустил на колено и приложил свободную руку к груди.

Лицо его сияло неподдельной радостью.

Женщина в окне зарделась, молитвенно приложила руки к лицу, посылая один за другим воздушные поцелуи.

При иных обстоятельствах подобная сцена могла вызвать в душе Ниночки умиление, чувственное сопереживание, сентиментальный восторг. Пожалуй, она могла бы всплакнуть, увидев схожую сцену в модной мелодраме, но только не здесь и не сейчас: несправедливость момента взывала к отмищению.

Дама в окне Ламборджини была неприятна самим фактом наглого торжества, избыточным, нарочито демонстративным богатством автомобиля и счастьем, которое получала даром, не прилагая усилий, что было обидно вдвойне.

Мужчина выгружал содержимое тележки в багажник, умело напевая знакомую мелодию "Don't Worry, Be Happy", не переставая улыбаться, словно умалишённый.

– Что он нашёл в этой невзрачной особе, похожей на полинялую бабочку? Оглянись, посмотри, я куда лучше! Меня... меня сделай счастливой.

Затворив багажный отсек Апполон забрал букет, широко раскрыл пассажирскую дверь.

Ниночка заворожено смотрела на странную парочку, не в силах оторваться от зрелища, странным образом вызывающего весьма противоречивые эмоции.

Бабочка неловко наклонилась, странным образом обхватила ладонями лицо мужчины, слилась с ним в долгом, очень продолжительном поцелуе.

Что-то в этой сцене было не так. Не так, как должно быть: дама не сидела – лежала что ли.

Ноги. Ниночка никак не могла рассмотреть ноги женщины.

Кажется, их не было. Не было совсем.

Нацеловавшись вволю, мужчина захлопнул дверцу, обернулся, заметил Ниночку с испуганным выражением на лице.

– Вам нужна помощь?

– Нет-нет... извиниться... хотела...

– Что... за что?

– Просто так, просто так...

– Ах, это... Верочка не всегда такая была. Спортивная травма, врачебная ошибка. Жена ужасно не любит, когда её жалеют.

Окно автомобиля опустилось. Девушка протянула Ниночке цветок, – не расстраивайтесь. Жизнь прекрасна даже когда кажется безнадежно испорченной. Самое лучшее лекарство не то, что держите в руках – вера в себя. И любовь...

– И любовь, – задумчиво повторила вслух Ниночка, когда внедорожник растаял вдали. Да, любовь. Любовь, а не то, что предлагал Генка.

Координаты счастья

Вагонная суeta понемногу улеглась, пассажиры утомонились.

– Как хорошо, – подумал Виктор, – что купил билет в спальный вагон.

Только что он был в вагоне-ресторане, прошёл больше половины состава. Везде холодно неимоверно. В их вагоне просто курорт.

Несколько дней Виктор был в командировке, теперь возвращался в посёлок, где ему предстояло, как молодому специалисту, работать ещё года два.

Спать юноша привык голышом, поскольку жил один, поэтому сразу начал раздеваться до трусов. Тело у него сбитое, спортивное, не стыдно показать такое. Только кому?

На нижней полке справа лежала девчушка. Красивая, стройная малышка. Витька на неё сразу глаз положил, разглядывал тайком.

Вот бы ему такую невесту.

Не судьба.

Проснётся красота, а его уже нет. Да и не умеет Витька знакомиться.

В посёлке девчонки наперечёт. С колыбели распределяют, кто кого любить будет, с кем жить. Такие у них порядки. Мало кто из молодых решается нарушать традиции.

Конечно, он давно уже не девственник. Двадцать шесть лет парню. Армию отслужил, техникум закончил. Невеста у него была, даже две. Правда, с первой только целовался, зато с Тоней всё было. Жениться собирались.

Не срослось. Физрук техникумовский увёл. Другом прикидывался. В одной компании отдыхали, тренировались вместе. На последнем курсе Тонька от него родила. Тренер, блин, наставник!

Виктор бросил любопытный взгляд на попутчицу, мимоходом, вскользь.

Она глядела на него. Внимательно, заинтересованно.

Не понять её взгляд было невозможно.

Парень подмигнул. Девчушка уставилась в упор. Витька решил не уступать.

Так и стоял, пока попутчица не вылезла из-под одеяла.

Сдался он. Неудобно стало стоять перед девчонкой раздетым.

– Виктор, – представился он, – домой едешь?

– На каникулы. Я Лариса... Павловна.

– Не спится?

– Дома давно не была, соскучилась. Студентка я. На третьем курсе учусь.

– Я работаю. Два года ещё долг государству возвращать за диплом. Ты это, Лариса Павловна, если поговорить хочешь, пошли в коридор. Людям спать мешаем. Только накинь что-нибудь на всякий случай.

– А пошли. Всё равно теперь не усну.

Девочке шёл двадцатый год. Любви она пока не испытала, дружбой с мужчинами не избалована. Интерес со стороны парня, немного старше себя, был ей в новинку, тем более что Виктор понравился с первого взгляда.

Разговор завязался легко. Первая неловкость прошла быстро. Создавалось впечатление, что попутчики давно знакомы, настолько непринуждённо и темпераментно они беседовали.

Рассказы о студенческой жизни, детских приключениях плавно перетекли в тему любви. Возраст такой.

Что может быть важнее и интереснее любви и дружбы?

Лариса, хоть и представлялась по-взрослому, с отчеством, была невинна, как новорожденная. Не довелось ей ни разу в жизни нежиться в мужских объятиях. Вкус поцелуя тоже был неведом.

Непонятно отчего, но сейчас Лариса стеснялась своей целомудренности. Хотелось выглядеть в глазах попутчика опытной, взрослой женщиной.

Врать оказалось легко.

Девочка припомнила рассказы бывалых подружек, скорее всего тоже выдуманных, и пересказывала, правда, без подробностей.

Повествования о любовных похождениях выходили весёлыми, бойкими приключениями. Влюблённые в неё мальчишки постоянно попадали в смешные ситуации.

Витька рассказывал всё как есть, но расставлял акценты таким образом, чтобы предстать романтической жертвой. Не потому, что хитрил или на что-то рассчитывал, просто хотел выглядеть в глазах Ларисы таким, каким быть мечтал.

Он тоже приукрашивал любовные истории, врал, но совсем в ином ключе. Подружки подло предавали любовь. Несмотря на предельную честность в отношениях и верность.

Витьку тоже понесло.

Неожиданно для себя парень присовокупил ещё двух подружек, настоящих, реальных, но к нему никакого отношения не имеющих.

В вагоне было слишком жарко, захотелось немного остыть, прохладиться, тем более, что разговоры о любви разжигали огонь изнутри.

Ребята вышли в тамбур. Состав на перегоне резко притормозил, Лариса повалилась на Виктора. Тот машинально обнял её, чтобы поддержать, да так и не смог разомкнуть объятия.

Губы сами собой нашли друг друга, сомкнулись. Свет в глазах девочки заплясал и померк, унося в мир волшебных грёз.

Дальше они разговаривали безмолвно, произносили предложения и фразы руками, губами, телами, расшифровывали движения и знаки без переводчиков, руководствуясь лишь интуицией и древнейшими знаниями, зашифрованными в первичной клетке матерью-природой.

Была ночь. Пассажиры спали, проводники отдыхали в служебных закутках. Молодым людям, увлечённо колдующим над любовным зельем, никто не мешал.

Мерный перестук колёсных пар на стыках рельс звучал любовной мелодией в их сердцах. Руки произвольно совершали магические пассы.

Нежные прикосновения погрузили любовников в сказку, требующую продолжения. Вернувшись в купе, ребята завесили нижнюю полку одеялами, слились в объятиях.

Таинственным образом в ладони Ларисы оказалась волшебная палочка. Она уже тряслась от желания, сама не понимая, что именно с такой силой разжигает любопытство.

Трах-тибидох-тибидох, вспомнилось заклинание, и девочка отключилась.

– Я люблю тебя, Лариса... Павловна, реально люблю, – шептал опьяневший от страсти Виктор, проникая робко, но настойчиво в пещеру Алладина.

Лариса, проваливаясь в страну грёз, не могла произнести ни слова, полностью подчинилась гипнозу первобытного очарования, позволила открывать любые двери, даже если Виктор входил в них неловко и больно.

Иногда ребята приходили в себя.

Юноша удивлялся, – как же так, зачем ты меня обманула, девочка, какие приключения, какие любовники? Я не имел права так поступить. Прости меня, прости!

Лариса Павловна тихо, чтобы не услышали спящие пассажиры, плакала. Ей казалось – от счастья.

Время от времени страсть вновь совершала безумные движения, не обращая внимания присутствие совсем близко посторонних, на сумасшедшую тряску (поезд мчал с бешеной скоростью без остановок, догоняя упущенное на перегонах время).

Любовникам было плевать на последствия. Такого сильного опьянения им не приходилось переживать никогда.

Инъекции адреналина следовали одна за другой, возбуждая тем больше, чем сильнее и ярче разгорались эмоции. Остановил ребят только призрачный приближающийся рассвет.

Перевозбуждённые, они попытались уснуть.

Лариса проснулась около десяти часов утра. Верхняя полка была пустая.

Сердце её заколотилось, из глаз хлынули слёзы. Она вспомнила, как Виктор вчера рассказывал о предательстве своих бывших невест. От этого стало ещё больнее.

– Никому нельзя верить, – подумала девушка, – неужели на свете нет верных мужчин и преданных женщин?

В это время в купе зашёл сияющий Виктор. В руках у него были пирожки, апельсины и коробка конфет.

– Доброе утро, Лариса Павловна! Почему мы плачем? Ой, кажется, догадался. Прости, ну, прости, малыш! Не подумал.

Виктор посмотрел с сомнением на пассажиров, потом на девушку и уверенно поцеловал её в губы.

– К великому сожалению мне скоро выходить. Я тут тебе всё записал. Диктуй свои координаты. Родителей тоже. На всякий случай, мало ли. И пошли в тамбур. Нам есть, о чём поговорить.

Любовь и мыльные пузыри

Странно получилось: нелогично, спонтанно, но Катеньке понравилось сладкое, щекочущее внутри и снаружи ощущение эйфории, головокружение, состояние перевёрнутой, плавно качающей невесомости, вращение всего вокруг и чего-то ещё, что невозможно описать словами.

Девушка вовсе не хотела так близко знакомиться с Антоном Ильичом, просто его руки...

Нечаянное прикосновение оказалось удивительно приятным, настолько, что девушка зависла, начала растворяться в пространстве и времени как таблетка шипучего аспирина в стакане воды, едва не задохнулась от трепетного безумия, после чего стремительно сорвалась в бездну безудержного наслаждения.

Тот поцелуй, поначалу с сухой горячей дрожью, потом влажный, вызывающий удивительно приятную оторопь и пульсирующие волны блаженства. Да, точно – нежные руки...

Она и прежде целовалась: из любопытства (хотела себя испытать, доказать, что это совсем не страшно). Однажды упражнялась в искусстве сплетаться губами и языками по настоятельной просьбе влюблённого не в неё друга детства, который боялся сделать на первом свидании со своей девушкой что-то не так.

На выпускном вечере в школе настроение было настолько феерическим, приподнятым, что Катя целовалась со всеми одноклассниками подряд.

Бывали поцелуи просто так, чтобы интересно провести время, проверить, нужно ли ей это.

Такого как с Антоном Ильичом никогда не было. Катенька просто испарилась, ощутив вкус губ взрослого мужчины. Он был значительно старше: мамин институтский товарищ.

Когда-то давно у них случился бурный, скоропостижный роман, который ничем не закончился, точнее, закончился ничем: мамину группу отправили на производственную практику, откуда она вернулась папиной женой с трепещущим под сердцем комочком, который позднее назвали Катенькой.

Молодость эгоистична, ненасытна, жестока, влюбчива. Кто знает, что подтолкнуло маму к поступку, изменившему линию судьбы. Никто не виноват, что случилось именно так, а не иначе: взросление, любопытство, наивность, возможно глупость.

Антон Ильич не стал ревновать, выяснять отношения: принял изменение социального статуса любимой, как факт, превратившись из любимого в лучшего друга. Он так и не женился. Жил бобылём, подрабатывая в семействе Постниковых палочкой выручалочкой и плечом, в которое можно поплакаться.

В этот раз Антон Ильич сам попал в затруднительное положение – оступился в темноте. Множественный перелом стопы осложнился внутренним воспалением по причине неудачной сборки осколков кости.

Лечь в клинику мамин друг отказался: всегда был упрямцем, рассчитывал только на себя.

Как назло, маму послали в командировку, отказаться от которой не получилось.

Ухаживать за больным попросили Катеньку. Она согласилась.

В её задачу входило покупать медикаменты, готовить, иногда прибираться: ничего особенного, если бы не лихорадка у больного, вызванная осложнением.

Да, пришлось научиться делать уколы, измерять температуру, следить за приёмом лекарств.

С это всё и началось.

Катенька спонтанно, не задумываясь о последствиях, прикоснулась губами к коже на лбу больного, как обычно делала мама, чтобы не тратить время на измерение температуры.

Антон Ильич открыл глаза, нежно взял девушку за запястья, заглянул в Катины глаза.

Лоб был прохладный. Лихорадка явно отступила.

– Спасительница моя, – удивительно приятным голосом прошептал он, целуя сухими губами чувствительные ладони, отчего Катеньке сделалось неловко и жарко, – как же ты похожа на маму. Такая же сладкая, такая же трогательно заботливая, такая же прекрасная. Можно... можно я тебя поцелую?

Измотанный недугом Антон Ильич выглядел беспомощным, трогательным, уязвимым. Отказывать больному не было повода: он же мамин друг, малюсенькой ещё на руках её нянчил.

Поцелуй оказался не формальной уступкой больному, а настоящим шоком: греховным, бесстыдным, безудержным, даже страстным. Было ужасно стыдно, но безумно хотелось продолжения.

Руки, пальцы, удивительно приятные на ощупь пальцы. Антон Ильич не делал ничего особенного: просто перебирал ими волосы, просто дотрагивался до шеи, потом дунул на закрытые глаза, отчего у Катеньки пламенели щёки, гулко ухало в висках, странным образом напряглись ставшие вдруг чувствительными соски.

Движение во рту его влажного языка отдавалось трепещущим наслаждением внизу живота, в каждой клеточке разбуженного непонятным влечением тела, которое трепетно радовалось непонятно чему.

Такого с ней никогда ещё не было.

Катеньку трясло, ломало, возносило ввысь, испытывая ощущение полёта. Это было похоже на действие шампанского, только гораздо сильнее и намного приятнее.

На секундочку девушка оторвалась от горячих губ Антона (странно теперь было бы называть его по имени с отчеством), внимательно всмотрелась в восторженные глаза серого-серого,

глубиной с Вселенную, вымаливающие прощение за нелепую выходку глаза. Глаза удивлённого дерзкой смелостью старика, ожидающего вынесение смертного приговора, которого не последовало.

Думать, выстраивать логические цепочки, анализировать, предполагать, прогнозировать последствия, чем она вполне успешно на профессиональной основе занималась в офисе, не было желанием, однако секунды отчуждения оказалось достаточно, чтобы протрезветь, прервать kloкочущий избыточной энергией поток восторга, послать импульс, подключающий к источнику сознания, моментально выставившего блокировку.

Блеск в ликующих глазах Антона, всё-таки Ильича (ведь поцелуй – ещё не любовь, но уже шаткий мостик к довольно близким отношениям), эпицентр его неожиданного безумия, мерцающим сиянием высветил в душе Катеньки нужное направление: почему бы нет, что странного может быть в целомудренном поцелуе: разве он сделал неприятно, больно?

Пусть мимолётный ураган останется тайной, сокровенным секретом случайно возбудившихся взрослых людей.

Катенька подсчитала наличность в кошельке, на всю сумму накупила продуктов и ушла, не попрощавшись. Нужно побыть одной, подумать, понять, что произошло, на что-то (зрелость всё-таки определяют поступки) решиться.

Две недели девушка не могла прийти в себя. Антон Ильич не звонил, значит, справлялся сам.

Перед приездом мамы Катенька всё же решила на визит, хотя (если быть до конца искренней), не представляла, как сможет смотреть в глаза человека, сумевшего ввести её в гипнотический транс, который восприняла как предельную интимную близость.

Она боялась, что Антон разгадает, поймёт, что на самом деле почувствовала тогда. Вдруг он увидит желание вновь ощутить галлюциногенное влияние прикосновений, поцелуев, слияния электромагнитных полей, таинственную гравитацию, перемежаемую удивительно приятной невесомостью.

Вдруг ему тоже захочется это сладкое безобразие повторить?

На самом деле Катенька скучала, надеялась, ждала, но признаться себе в этом, значило уступить низменному желанию, пожертвовать личной свободой, подчиниться иллюзии, способной вероломно изменить его и свою жизнь.

Неизвестно, чем эта вольность может обернуться. Ведь она не знает, любит ли Антона Ильича. Скорее всего, эта необъяснимая страсть – обыкновенный каприз, временное помутнение рассудка, эгоизм, искажённый желанием, вызванным избытком гормонов.

– Извинюсь, – настраивала себя Катенька, – узнаю как здоровье и всё! Совсем всё.

Антон Ильич ждал её. Встретил на костылях, накрыл стол, выставил вино и фрукты, достал из холодильника гигантской величины розу.

Мужчина так забавно, так трогательно беспомощно прыгал, так просительно ловил взгляд, что девушка согласилась поужинать.

– Давай... те... договоримся. Между нами ничего, совсем ничего не было.

– Кроме поцелуев, от которых кипела кровь, испарялся рассудок. Тот волшебный день я буду вспоминать до последнего вздоха.

– Не преувеличивайте. Ничего такого не было. Обыкновенная шалость. Хотела попробовать, вкусно ли целоваться со стариком. Оказалось, забавно.

– Ты очень сладкая, Катенька. Мне сорок, разве это возраст дряхлости, разве меня уже нельзя полюбить?

– Ну почему? Можно... наверно. Только это точно буду не я.

– Печально. Ладно, не буду искушать, настаивать, говорить глупости. Ты права, девочка – я опоздал. Мой поезд ушёл. В первом вагоне отправилась твоя мама, в последнем – ты. За это и выпьем. Стоя.

Антон Ильич держал наполненный бокал, стоя с закрытыми глазами на одной ноге, представлял, будто пьёт сладкий нектар из вишнёвых губ. Катенька и её мама сливались в сознании в единое целое.

Наверно мужчина чересчур увлёкся воображаемым приключением. Голова закружилась, пол медленно поплыл вбок, начал переворачиваться. Бокал выпал, разбился. Антон Ильич упал, ударился головой, потерял сознание.

Катенька реанимировала маминого друга проверенным способом – поцелуями. Почему именно так – неважно.

Антон очнулся, лукаво улыбаясь, притянул девочку к себе, ласково поцеловал в шею.

– Поцелуи ведь ни к чему не обязывают, – кокетливо подумала Катенька, погружаясь в густую пелену нирваны.

Реакция партнёрши была мгновенной: она алчно впилась в жаждущие взаимности губы, обмякла под нежными руками, бессовестно проникающими под блузку.

Если бы Антон этого не сделал, девушка сама попросила бы его об этом. Наверно.

Думать было некогда, да и незачем. Слова не понадобились. Смущение испарилось само собой.

Отчего Антону было позволено всё, Катенька не могла бы ответить. Наверно природа знает о причине подобного легкомыслия несколько больше.

Неважно. Им было хорошо – это главное.

Внезапно, для целомудренности момент оказался несколько запоздалым, наступило отрезвление. Не этого она хотела, не этого. Нужно было остановиться в самом начале.

– Ты воспользовался... вос-поль-зо-вал-ся! Это нечестно. Ты знал, что до тебя... что я никогда... что никого! Почему, зачем? Ведь мы не пара, я тебя... а если я тебя не люблю?

– Моей любви, девочка, достаточно для двоих.

– А я не верю! Себе не верю, не тебе. Я ведь детей захочу. Какая же я всё-таки дура.

Тем не менее, роман, если так можно назвать их отношения, продолжился. Катенька то уходила, то вновь возвращалась.

Её тянуло к Антону настолько сильно, словно в разлуке образовывался внутренний вакуум, вызывающий взрывоопасную термоядерную реакцию, усмирить энергию которой способен был лишь он, единственный мужчина, свидание с которым вызывало потерю сознания, усугубляемую ощущением безграничной радости.

– Выходи за меня, – умолял Антон. Ты – самое ценное в моей жизни, самое важное, самое родное. Я люблю тебя, Катенька!

– Самое ценное – это как? Ты, Антон, старый безпринципный развратник. Зачем ты меня совратил, зачем превратил в наркоманку, посадил на страстные поцелуи, на нежные прикосновения, на безудержный секс? Не дождёшься, никогда не стану твоей рабыней. Никогда, так и знай!

– С чего ты взяла, девочка, что я пользуюсь тобой? Ты свободна в выборе. Если считаешь меня стариком, попробуй полюбить кого-то другого: моложе, сильнее. Будет больно, но я справлюсь.

– Пробовала... и не раз. Никто, так как ты не умеет. Никто, никто, никто...

Катенька мучила его, себя. Понять, чего именно ей хочется на самом деле, было невозможно. Она и сама не знала. Антон не вписывался в координаты мечты, вот и всё.

Она приходила внезапно, извинялась, набрасывалась на Антона как голодная кошка, доводила его и себя до безумия, традиционно устраивала скандал, долго рыдала, после чего каждый раз прощалась навсегда.

Так продолжалось два бесконечных года, пока однажды в процессе шумного веселья у подруги ей не подмигнул тот, кто соответствовал придуманному идеалу.

Виктор был интересен: молод, симпатичен, крепко скроен, в меру начитан, напорист, успешен. Всё это Катенька узнала от юноши за пару бесконечно прекрасных часов танцевального контакта.

Он ловко поддерживал беседу, уверенно флиртовал, вызывал безотчётное доверие.

Не влюбиться в такое совершенство было попросту невозможно.

Через месяц Виктор стал её мужем, через полгода молодожёны уехали жить в Испанию, где у мужа успешно развивался небольшой, но прибыльный бизнес.

У Катеньки неожиданно образовалась глубокая пропасть, связанная с адаптацией к языку, к менталитету испанцев, к климату. Пришлось превращаться в скучающую домохозяйку.

Муж был в меру добрый, стабильно внимательный, даже заботливый, вот только тем для взаимодействия, общих интересов, планов и целей у них никак не находилось.

Разве что дочка – хрупкий стебелёк. Хотя, Риточка тоже его мало волновала. Дети – чисто женская забота.

Виктора можно было понять: бизнес – гремучая смесь из проблем и случайностей. Плюс недостаток времени, постоянная усталость.

Вблизи, когда от подвенечного платья и ванильно-кремовых отношений прекрасного медового месяца остались лишь воспоминания, Виктор оказался заурядным обывателем, предел мечты которого – способность стабильно удерживаться наплаву в пределах нарезанной деловым окружением планки успешности.

Установленные мужем границы отношений предполагали нейтралитет жены, полное подчинение в принятии решений, касающихся всего на свете, кроме её внешнего вида и меню семейных ужинов, случающихся довольно редко.

В постели супруги встречались нечасто. Прелюдии и прочие необязательные шалости Виктор не любил, сразу приступал к десерту, не дожидаясь возбуждения супруги.

От непритязательных упражнений в постели не перехватывало дыхание, не возникало трепетного безумия, не наплывали пульсирующие волны наслаждения, ни разу не было повода потерять сознание, провалиться в бездну безудержного блаженства.

Неприятная фраза – супружеская обязанность, объясняла суть отсутствия эротизма, когда искренние чувства превращаются в обязательную, но скучную программу с фиксированным графиком исполнения.

Секс, просто секс, упражнение для сохранения здоровья. Точнее, пресное, без тени вкусовых и эмоциональных оттенков трение мужского достоинства о женские аналоги инструментов наслаждения, используемые неумелым ремесленником, чтобы сбросить физиологическое напряжение, вот чем были их встречи в постели.

Любовь ли это?

Чужая страна, неприветливый дом, муж, женатый не на ней, а на бизнесе, о сути которого не положено даже спрашивать. Такого ли счастья искала она?

Тогда, в самом начале, безумно хотелось стремительно ворваться в пределы сказочной, обеспеченной жизни, где обязано было ждать безграничное счастье с горячо любимым человеком, которому не страшно доверить судьбу.

Катенька мечтала отламывать от вкусного батончика “прекрасного далёка” дольку за долькой, класть удивительно сладкие кусочки на язык как пористый шоколад, раздавливая с наслаждением пузырик за пузырьком о чувствительное нёбо, ощущая миллионы оттенков изысканного наслаждения.

Реальность оказалась прозаически безвкусной, порой до предела пересоленной. Как жаль! Это так утомительно – каждый новый день просыпаться непонятно где не с той ноги.

– Моя ли это жизнь, – раз за разом задавала Катенька себе вопрос, вспоминая минуты блаженства с мужчиной, который мимолётным прикосновением мог превратить её в сгусток блаженства.

Иногда, когда мужа и приходящей домработницы не было дома, а Риточка спала, женщина плотно задёргивала шторы, медленно раздевалась в комнате с зеркалами в рост, оголяла чувствительную грудь, трогала себя пальцами, представляя, что это руки Антона Ильича, мужчины, которого она сделала несчастным.

В эти редкие минуты воображение отвергало ход реальной истории, очерчивало границу, где всё можно было исправить.

Вдохновлённая способностью путешествовать во времени Катенька иногда умудрялась создать волшебную иллюзию слияния с тем, кто не спешил отпускать её трепетную душу, которого сама не в силах была забыть.

Как же она была права, пустив по ветру реальный шанс, жить с человеком, единственным, кто понимал, кто по-настоящему любил, невзирая на шальные мечты, на скверный характер, на скандальные истерики и безумные выходки.

Увы, придуманное счастье как бабочка-однодневка, линяет, стоит лишь до неё дотронуться. В будущем нет ничего, кроме самой мечты, потому что грядущее – недоступная в реальности голографическая иллюзия.

Жить нужно настоящим, в этом суть. Вопрос в цене сокровенного знания, плата за которое может оказаться непосильной.

В краю магнолий

Море заметно волновалось, посылало на каменистый берег буруны волн, которые, то нежно щекотали прибрежный песок, то поглаживали его, иногда рассыпались, разлетаясь пенными брызгами.

Иногда бурунам удавалось с разбега залететь далеко на пляж, залить расстеленные отдыхающими покрывала.

На движение бурлящей воды можно смотреть бесконечно долго. Оно никогда не повторялось, лишь размеренно сопровождало себе ритмичными, набегаящими друг на друга звуками.

Неожиданно внимание привлёк совсем иной звук – хихикающий смех, источник которого находился поблизости.

Осторожно, чтобы не привлечь внимание, осмотрел себя с ног до головы. Вдруг в моём облике появилось нечто комическое? Когда ты расслабленно лежишь в пляжной одежде, пикантные ситуации возможны и неизбежны.

Повода для смеха вроде не было.

Оглянувшись, увидел в паре метров от себя расположившихся на цветастых махровых полотенцах девушек. Одна из них при мимолетном взгляде показалась сначала мамой, другая – дочкой. Разглядывать соседок в упор было неудобно.

Невольно прислушался. Тема разговоров, смех с презрительными, ехидными интонациями, странные для мамы и дочки реплики пробудили любопытство.

Немного погодя по контексту и деталям разговора, который невозможно было не услышать по причине яркости, динамике и силе акустики, я понял, что они родные сёстры.

Собственно, к этому моменту интерес мой к соседкам иссяк. Банальность разговорных тем, обилие ненормативной лексики, вульгарность поведения раздражали, не давали сосредоточиться на созерцании прибоя и ощущении свободного от одежды тела.

Глупости и пошлости в повседневной жизни больше чем достаточно. Не для того я ехал в такую даль, чтобы слушать бред, вызывающий эмоциональную усталость.

На море хочется отдыхать расслабленным: дышать солёными брызгами, слушать безмолвие, гасить мыслительный процесс, медитировать на слияние с природой.

Соседки такой возможности лишали.

Мне даже захотелось собраться и отойти подальше, но было лень. К тому же обидно, согласитесь, что на почти пустынном берегу эти двое не нашли другого места, чтобы припарковать свои телеса.

Если честно, я начал слегка заводиться, почти готов был поставить девиц на место.

Основной темой их беседы были мужчины.

Реплики от начала до конца имели скабрезное содержание, причём невольно вызывали реакцию организма, сходную с чтением рассказов эротического содержания.

– Этот, вчерашний пятикантроп с телом атлета, Вадик, вот ведь придурок, привязался к моим сиськам. Лапает, облизывает, словно кроме них у меня пощупать нечего. Я уже вся горю, сок пускаю... еле дождалась, когда дитятко наиграется. Потом бац и сдулся. Лучше бы не начинал. Так и ушла не солоно хлебавши.

– Зато мой, как движок у иномарки. Всю ночь гонял, словно заводной. Маньяк какой-то. Надоел даже. Нет, чтобы по душам поговорить, комплиментом каким польстить. Я же не кукла резиновая, у меня душа есть, между прочим.

– Ну, не знаю, сестрёнка, у меня душа между ног. Не люблю, если на уши присядут, а вставить нормально не могут. По мне лучше пусть зверюга будет, но чтобы с инстинктами дружил. Поговорить я и с тобой могу.

– Каждому своё. Может, в твоём возрасте и я того же захочу. Секс без романтики – это утомительно, неинтересно.

– Давно разбираться-то научилась? Слышала я, сестрёнка, как та иномарка тебя обрабатывала, даже завидно стало. Ты сестрёнка того, осторожней. Предохраняйся, как учила, голову не теряй, даже когда кончаешь. Предки узнают, что я тебе, малолетке, такие вольности позволяю, пришибут. Под свою ответственность на море выпросила. Не подведи.

– Прорвёмся. Я тебя так люблю. Ты у меня лучшая сестра на свете.

Эти диалоги показались довольно странными. Младшая девочка даже не успела приобрести женские формы. На вид ей было не больше пятнадцати.

Старшей сестре было приблизительно лет двадцать или чуть больше.

Высокая девица, крупная, со слегка расплывшимися формами, но оформленными соблазнительно рельефными выступами, выставленными напоказ.

Навскидку, в ней килограммов под восемьдесят живого веса. Правда, девица подвижная, мышцы развиты замечательно, даже талия есть.

Янтарные с искоркой зрачки, словно капли тягучего мёда, густые, рассыпанные по плечам волнистые волосы, яркие чувственные губы, женственные движения...

Глубочайшее декольте, заполненное шикарным содержимым, с соблазнительными прожилками под прозрачной кожей, дополняли витрину. Пожалуй, её не портил даже вес.

Младшая сестра похожа на грациозную лань или потягивающуюся после сладкого сна юную кошечку: чувственная, с порывистыми движениями и кокетливыми жестами, танцующей, словно отрететированной и тщательно контролируемой походкой.

Это я заметил, когда она показывала сестре какой-то комический эпизод, сопровождая его целым представлением.

Невозможно было не заметить томный взгляд из-под полуопущенных ресниц, серые, очень тёмного оттенка глаза, стреляющие в каждого привлекательного мужчину, проходящего мимо.

Девочка себя явно демонстрировала.

Ни тени смущения или стыдливости, только оценка, выставляемая визуально подвижной мимикой и красноречивыми жестами каждому мужчине, показавшемуся в зоне охоты.

Будущая пожирательница мужских сердец, – подумал я. Не слишком ли рано ей стали интересны взрослые мужчины и горизонтальные забавы?

Сёстры сидели на расстеленных полотенцах в одежде. Загар и море их явно не интересовали.

Девчонки пили пиво из запотевших алюминиевых банок (этого напитка девчонки приносили целую сумку), закусывали копчёными барабульками, изредка перекидывались оценивающими проходящих мимо мужчин репликами, и курили сигарету за сигаретой.

Младшая девочка одета в коротенький, сетчатой вязки сарафанчик без лифчика. Наливающиеся ягодки сосцов едва наклонувшейся груди призывно выглядывали сквозь ячейки вязки. Она не оставляла эти кнопки в покое: поглаживала, теребила, словно намеренно выставляя напоказ, сидела широко расставив ноги, демонстрируя кокетливые трусики, если эти тесёмочки можно было таковыми считать, смеялась по-детски заразительно, но посылала сигналы проходившим мимо самцам сосем не игрушечные.

На пушистой верхней губе её игриво сверкали капельки пота, в тонких пальчиках танцевала длиннющая сигарета. Каждая деталь – словно намеренно продуманная наживка.

Парочка привлекла не только моё внимание. Словно случайно мимо с горящими плотоядным блеском глазами скучающих акул прохаживались мужчины. Их взоры перескакивали с одной девушки на другую, заставляя напрягать ягодички и подтягивать животы, чтобы выглядеть стройнее, соблазнительнее, мужественнее.

Есть спрос, появилось и предложение.

Мне очередной раз захотелось собраться и уйти.

Облик девиц был по большому счёту эстетичен, привлекателен, но поведение сквозило вульгарностью и распушенностью.

Это напрягало.

Провидение, однако, распорядилось иначе: к сёстрам припарковались два накачанных тестостероном мачо с яркими цветными татуировками на половину тела.

Обольстителям понадобились несколько минут, чтобы простимулировать интерес девиц, выяснить отношения и оформить аренду выставленных на аукцион прелестей.

Компания моментально собралась и шумно двинулась в сторону ближайшего кафе.

Старшую сестру, смешно виляющую впечатляющим задом, кавалер плотно обнимал за талию, младшую, тонкую и звонкую, поклонник понёс на руках, бесцеремонно целуя в шею.

Девочка несколько мгновений изображала из себя недотрогу, затем обвила мощную шею атлета изящными ручками и ответила на поцелуй взаимностью.

– Вот это скорость, – подумал я, – а говорила про душу, любовь и романтику.

Проводив компанию взглядом, я улёгся, закрыл глаза, но ещё долго наблюдал невольно представленное шоу на ментальном экране.

Цветной ролик, в котором девчонки кокетничали, флиртовали, уходили с добычей, вертелись и вертелись в голове, вновь и вновь возвращая самые возбуждающие кадры.

Как ни странно, меня внезапно посетило желание...

Пришлось перевернуться лицом вниз.

– Да, дела – прошептал я.

Несмотря на абсолютную пошлость ситуации, вдруг всплыла в памяти песня группы Ариэль: не зная горя, горя, горя, в краю магнолий плещет море. Сидят мальчишки на заборе и на меня наводят грусть. Танцуют пары. Пары, пары. Мотив знакомый, даже старый. И сладкий голос бас гитары, тревожит память мою. Ну и пусть, ну и пусть. И пусть. Вот так же, когда-то, сюда мы бегали, ребята, ребята. Глаза блестели, как агаты, агаты и на щеках играла кровь. Как модно, как модно, танцуют пары под аккорды, аккорды. И можно говорить свободно, свободно, про жизнь и про любовь.

Странное состояние посетило меня. Такие же девчонки, те же мальчишки, то же самое море, что было тогда, когда мне было столько же, сколько сейчас им.

Как жаль, как жаль... эти девочки никогда не узнают, что такое любовь.

Закатная феерия

Девушка мечтала о любви, страстно любила естественную природную красоту и как ни странно для нежного возраста, наслаждалась одиночеством.

Представляете себе такое удивительное, больше того, странное несоответствие? Кого и как она собиралась любить в уединении? Разве что саму себя.

В самом начале лета Лиза присмотрела место на высоком берегу реки, на крутом её изгибе, обращённое на запад.

Когда-то на этом пустыре был разбит небольшой городской парк. Мама рассказывала, что в выходные дни там прежде играл духовой оркестр, отчего становилосьлюдно и весело.

Потом парк перенесли в другой конец города, где выстроили Дворец культуры, а на этом месте поставили детский туберкулёзный санаторий.

Теперь ни от того, ни от другого не осталось следов, кроме огромных лип, высотой с многоэтажный дом и каменной арки с коваными воротами на самом входе, небольших ровных площадок и зарослей мелкоколосья, сквозь которые не пробраться.

Лиза бывала здесь множество раз, потому, что в этот заброшенный уголок никто не забредал. Здесь было сухо и тихо, именно то, что она любила.

Однажды Лиза задержалась на этом бережке немного дольше обычного и увидела волшебство – удивительной красоты закатную феерию.

Понятно, что финальную гастроль отправляющегося за горизонт солнца, декорированную разноцветным цветовым шоу, девочка видела многократно, но основную часть постановки обычно скрывали городские постройки, деревья и неровности пейзажа.

В тот раз она увидела абсолютную гармонию редкостной: чарующей подвижным разноцветьем, неземной, ослепительной красоты, которая была динамичной, подвижной.

Багровое, кроваво-красное, оранжевое, малиновое, пурпурное, фиолетовое с жёлтизной зарево заполняло значительную часть горизонта. Цвета были яркие, сочные. Они переливались, вытягивались, просачивались, смешивались, словно кто-то там, в вышине, орудовал гигантским миксером или перемешивал краски, прежде чем нанести на другое полотно.

Всё это великолепие в полном объёме отражалось в неподвижной глади речной воды, меняло очертания и таяло постепенно, вливаясь одновременно вглубь души сгустками беспричинного ликования и радости.

С тех пор Лиза старалась не пропускать волшебные вечера, которые дарили закатные феерии. Случались такие представления не так часто, как хотелось, и продолжались они совсем недолго, но настроения праздника и счастья обычно хватало до следующего заката.

Самым удивительным во всей этой истории было то, что девочка не просто смотрела на переливы красок, она в них плавала, пыталась руководить движением слоёв и течений, словно дирижёр симфоническим оркестром.

Девочка напрягала глаза и мышцы, перемещая цветную массу, а когда не получалось – плакала, наивно полагая, что не каждому дано стать феей.

Слёзы лились из удивительных серо-голубых глаз, но девочка продолжала попытки смешивать движением души и рук краски, пыталась разлить их по всему небу. Она очень хотела любви и счастья, которые просто обязаны быть цветными и яркими как закаты и рассветы.

Понятно, что ей ни разу не удалось продлить представление.

Именно по этой причине Лиза научилась смотреть закат с закрытыми глазами.

Маленькой фее, а она действительно была крошечная, ни одному юноше в техникуме девочка не доставала даже до подмышек, казалось, что совсем никто её не любит.

Это было обидно, иногда больно.

Мама постоянно твердила, что выглядит Лиза потрясающе. Иногда ей и самой так казалось. Глаза, волосы, гибкий стан, точёная фигурка, дивной глубины глаза. Почему никто не обращает на неё внимания, не замечает этой бесхитростной, скромной, застенчивой красоты?

Мальчишки ухаживали за всеми девочками, кроме неё. Они демонстративно проходили мимо, как бы сквозь бесплотную тень: не дарили цветы, не звали в кино и на танцы, словно не было на Земле такой девочки.

Закат практически растаял, сливал за горизонт остатки потускневших красок, чего нельзя сказать о слезинках, наполнивших до краёв глаза-озёра.

– А ведь эту красоту тоже не замечают, – подумала неожиданно Лиза.

– Сколько вечеров я здесь и ни разу не видела никого, кто восторгался бы сказочным представлением, ослепительной голограммой гармонии мира. Так же точно никто не видит полёт стрекозы и пчелы, музыку дождя, букашку, ползущую по лепестку цветка. Почему? Неужели люди не в ладах со своей душой? Зато восторгаются совершенством модного телефона, брендовой этикеткой чего угодно, размалёванными красавицами с надувным бюстом и распухшими от вмешательства косметических хирургов губами.

Эта мысль засела в голове, не давала покоя. Девочка ещё слишком молода, чтобы понять – истинную красоту способен видеть лишь тот, кто прекрасен изнутри.

Лиза не знала, что с другой стороны поляны, на которой она провожала прожитый день, тихо наблюдает за ней застенчивый юноша, который с осени ходит за ней по пятам.

Ему тоже нравились закаты, но ещё больше сама девочка, только не мог в этом признаться даже самому себе. Так случается.

Для того чтобы на тебя обратили внимание, нужно хотя бы сообщить, что ты есть. Увы, этому его никто не научил.

Лиза постелила на землю резиновый коврик, села и закрыла глаза. Ей было изумительно хорошо, однако слёзы лились и лились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.